

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

С. Ю. Чвертко

Фантастические мотивы в новеллах Ф. Сологуба

В статье изучается трансформация жанра новеллы в XX в. на примере творчества Ф. Сологуба. Выделяются основные мотивы, характерные как для творчества писателя в целом, так и для его фантастических новелл, в частности. Автором статьи выделяются два основных мотива, характерные для фантастических новелл Сологуба: мотив обреченности человека и мотив трансформации, который имеет очень много различных вариаций.

Ключевые слова: Сологуб, новеллы, трансформация, мотив, «серебряный век».

S. Ju. Chvertko

Fantastic Motives in F. Sologub's Novels

Transformation of the novel of the 20th century is studied in the article on the example of the books by F. Sologub. The main motives are accentuated, which are distinctive as for his books generally, so for his fantasies. The author has accentuated two main motives, which are distinctive for Sologub's fantasies. They are the motive of human hopelessness and transformation, which has many different variations.

Keywords: Sologub, novels, transformation, a motif, the Silver century.

В начале XX столетия становится популярным жанр новеллы. К нему обращаются такие известные писатели «серебряного века», как Ф. Сологуб, В. Брюсов, З. Гиппиус, Н. Гумилев и др. Обычно новеллу определяют как малый эпический жанр, предполагающий относительно небольшой объем, насыщенную событиями фабулу, строгую композицию и концентрический, динамично развивающийся сюжет с неожиданной, а зачастую и парадоксальной развязкой. Новелла тяготеет к изображению необычных происшествий и экстраординарных ситуаций, поэтому в ней преобладают динамические мотивы, ведущие к резкому изменению положения. Б. Эйхенбаум дает те же критерии новеллистического жанра: «Shortstory – исключительно сюжетный термин, подразумевающий сочетание двух условий: малый размер и сюжетное ударение в конце» [3].

Для более полного понимания того, как трансформировался жанр новеллы к XX в., необходимо отметить особенности мировоззрения и умиротворения общества начала века. В. В. Виноградова пишет, что «эстетическая и философская рефлексия “серебряного века” пронизана эсхатологическими ощущениями. Культурному сознанию этого времени свойственны

осуждение и отрицание мира, наполненного болью и страданиями, разочарование в жизни, восприятие смерти как исцеления, трагический мистицизм и интерес к темным сторонам человеческой психики...» [2, с. 24]. Эти черты проявляются в творчестве Ф. Сологуба, на которого оказали сильное влияние философия А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, а также теории психоанализа. «Земная жизнь представляется писателю бессмысленной, из нее нет иного выхода, кроме смерти или фантастической мечты» [2, с. 24].

Анастасия Чеботаревская выделяет основные мотивы в творчестве Ф. Сологуба, среди которых главным является «неприятие, отрицание мира в его настоящем, непретворенном аспекте» [7]. Другой мотив, важный в творчестве писателя, – это «элемент творимого, которым самостоятельно и всецело проникнуты многие... произведения Сологуба («Навыи чары», «Дар мудрых пчел», «Победа Смерти», «Царица поцелуев», «Обруч», «Опечаленная невеста» и др.)» [7]. Важной для писателя является солипсическая теория Я как центра мироздания, которая «служит основой и вместе с тем посредницей между двумя названными, на первый взгляд противоречащими друг другу положениями» [7].

«В основе фантастических новелл Сологуба («Собака», «Опечаленная невеста»), по мнению В. В. Виноградовой, лежит невероятное – сказочное, таинственное или сверхъестественное – событие. В них проявляется интерес писателя к мистике, к мотивам метаморфозы, к поведению человека при встрече с нечистой силой. Для них характерны динамичный сюжет, однособытийность и ретардация, осуществляемая посредством подробной детализации» [2, с. 25]. «В новелле “Красногубая гостья” выходец с того света появляется под видом «прекрасной молодой девушки с жутко-огромными глазами и чрезмерно яркими губами» [2, с. 25]. «Экзальтированная особа», «стилизованный барышня», из тех, с которыми, по мнению лакея героя, можно познакомиться на пляже, представляет характерный для модерна изысканный стиль женщины-вамп, имитирующий облик вампира. Человеческая любовь подменяется специфической близостью убийцы и жертвы, где дикие поцелуи переходят в укусы. В противоестественном образе соединяются Эрос и Танатос, ведущие не к рождению новой жизни, а к уничтожению» [2, с. 25].

Мотив пессимистического отрицания мира раскрывается через инверсию в человеческих отношениях (любовь, которая обычно соотносится с жизнью, равносильна смерти; женщина, возлюбленная главного героя, красива мертвенной, пугающей, замогильной красотой). Человек бессилен при встрече с нечистой силой, он только осознает свою обреченность и осознанно идет на гибель. Структура новеллы представлена 16-ю маленькими частями. В первой части, похожей на короткий пролог, сказано, как недавно был спасен человек: «от злых чар ночного волхования словами непорочного Отрока». Вторая часть рассказывает про Николая Аркадьевича Варгольско-го, который за последнюю зиму сильно отдалился от друзей и перестал выходить в свет. Причиной этому послужила странная близость с недавней знакомой Лидией Ротштейн, которая для него затмила все радости прошлой жизни. Далее описываются воспоминания героя, в которых сказано, как Николай случайно познакомился со скучной, на первый взгляд, и ничем ни примечательной девушкой. Она была странно одета, слишком бледна, с кроваво-красными губами, и производила впечатление скучающей дамы, которая от нечего делать строит из себя таинственную особу. Но неожиданно герой, вопреки первому впечатлению, попадает в плен ее чар, как потом окажется, inferнального происхождения.

При этом в новелле автор сначала хоть и упоминает о непорочном Отроке, но у читателя не создается впечатления, что далее последуют фантастические события. Есть просто тоскующий герой и его новая знакомая. Героиня почти сразу раскрывает свою сущность признанием: «Любовь моя смертельна – и мне хорошо, потому что любовь моя и смерть моя радостнее жизни и слаще яда. ...Во мне душа Лилит, лунная, холодная душа первой эдемской девы, первой жены Адама. ...Не люблю я дневной жизни и безобразных ее достижений. ...Пеленою мечтаний, которые слаще ароматнейших из земных благоуханных отрав, я застилаю безобразный, дикий мир дневного бытия... И у того, кого я люблю, я прошу в награду за безмерность и невозможность моих утешений только малого дара, скудного дара. Только каплю его жаркой крови для моих холодеющих вен, только каплю крови прошу я у того, кого полюбила» [6, с. 169].

Сологуб создает двойственное впечатление, смешивая реальное и ирреальное: Лидия может быть и просто «экзальтированной особой», которая играет в женщину-вамп, и нести в себе фантастическую сущность (как выходец из загробного мира, питающийся кровью и жизненной силой людей, заставляющий их отречься от всех очарований земной жизни). Николай не может сопротивляться мертвенному обаянию Лидии-Лилит, но появление новой жизни – рождение у лакея ребенка – вырывает героя из плена вампирских чар, и он понимает, что нужно гнать от себя страшную гостью с ее смертельной любовью.

Автор подчеркивает, что сил на сопротивление у обычного человека против нечистой силы нет, поэтому герой только приобретает чувство обреченности, он осознает близость гибели и свою слабость. Однако в первой части новеллы уже было сказано о спасении Варгольского: там, где не властен человек, является непорочный Отрок, который помогает герою («Темной вражьей силе дана бывает власть на дни и часы, – но побеждает всегда Тот, Кто родился, чтобы оправдать жизнь и развенчать смерть» [6, с. 188]). Таким образом, в повествовании прослеживаются противоположные мотивы: обреченность человека перед лицом нечистой силы и неприкасаемая возможность спасения его с помощью светлых божественных сил. Также там заданы два плана – дневная жизнь, свет, радость, рождение, воплощающие земное начало, и как знак Света «Тот, Кто родился, чтобы оправдать жизнь и развенчать смерть». Второй план – ночной мир, где

смогла материализоваться женщина-вампир. У Сологуба эти два плана последовательно материализуются, следуя за непорочным Отроком и за Лилит, а Николай послушно следует из одного состояния в другое. Иными словами, сам человек, хоть и обязательно будет спасен, в данном спасении участия не принимает (так же, как и в своем падении). Сам человек при этом выступает как пассивный субъект: что бы он ни делал, все уже давно решено за него, он беспомощен на фоне вечного противостояния света и тьмы, дня и ночи, и только может послушно ждать решения своей участи.

С. Н. Бройтман выделяет еще один мотив, встречающийся в фантастических новеллах Сологуба, – мотив превращения, который «может иметь бытовую и даже анекдотическую окраску («Превращения», 1904; «Конный стражник», 1907), но выводит к теме преображения и творимого чуда («Претворившая воду в вино», «Алчущий и жаждущий», «Снегурочка», 1908). В ряде случаев метаморфоза ведет к деградации, вплоть до полного исчезновения предмета («Страна, где воцарился зверь», 1906; «Маленький человек», 1907), но она может означать восходящее развитие, которое иногда начинается как игра, а затем обретает безусловную реальность («Белая березка», 1909; «Смерть по объявлению», 1907; «Опечаленная невеста», 1908)» [1].

В новелле «Опечаленная невеста» мотив превращения соединен с балладным мотивом мертвого жениха. Здесь все начинается как игра, похожая на баллады В. А. Жуковского: создается своеобразный кружок, участницы которого ожидают смерти молодого человека, не имеющего невесты, и затем одна из них приходит на похороны, где играет роль скорбящей возлюбленной. Для Нины Бессоновой игра преображается в реальность, и девушка уже с нетерпением ждет, когда умрет «ее» «жених», и по настоящему плачет и тоскует, когда ей выпадает жребий изображать невесту. То, что было игрой скучающей барышни, неожиданно материализуется в реальности, и Нина приобретает смысл жизни. Читатель наблюдает, как игра и фантазия трансформируются в действительность, побуждая героиню – скучающую барышню, чья жизнь пуста, бессмысленна и подчинена пустым играм, стремиться продолжить дело «возлюбленного», которого она видела только мертвым.

В новелле «Смерть по объявлению» также прослеживается подобное преображение игры в реальность. Главный герой – Резанов – находит в

газете объявление молодой вдовы, которая просит одолжить денег и согласна на любые условия. Он решает ответить, но при этом его условия несколько странные: женщина должна прийти к нему за деньгами в образе смерти. Она так хорошо играет свою роль, что ни читатель, ни герой не могут понять, что же происходит – действительно ли к герою пришла смерть, или это удивительная игра. Так создается непрочное, колеблющееся равновесие между фантастикой и реальностью, финалом новеллы служит их своеобразное совмещение: вдова отыгрывает роль смерти, уколов героя и себя отравленным стилетом.

В новеллах «Белая березка» и «Снегурочка» героини силой мысли и желания оживляют неодушевленные предметы: березку и слепленную из снега девочку. В конце первой новеллы герой вместе с ожившим деревом гибнет, предпочтя «пламенное мгновение» «темным оковам существования», что подчеркивает неоднократно повторяющийся у Сологуба мотив отрицания существования, предпочтения «очарования печали» радостям дневной жизни. Во второй новелле погибает только Снегурочка: ожив, она становится так похожа на настоящую девочку, что ее силой ведут греться к очагу. У Сологуба в подтексте использованы русские народные сказки и легенды о Снегурочке, трактовка А. Н. Островского, но сам писатель обыгрывает сюжет в свойственной ему поэтике, созданной на грани фантастики и действительности.

Тему соединения душ затрагивает новелла «Очарование печали». Это своего рода сказка о злой мачехе и прекрасной принцессе. Интересно, что имена героинь различаются всего одним звуком: мачеха – Мариана, а принцесса – Ариана. Сологуб объясняет, в чем заключается особая прелесть молодой девушки: это «очарование печали», которое злыми чарами пытается заполучить королева. Цена превращения и красоты – смерть падчерицы. Но очарование печали, перейдя в злое сердце, сделав Мариану прекрасной, не дает ей счастья, и, раскаявшись, она решает воскресить Ариану ценой своей жизни. Финал новеллы очень неожиданный – вместе с жизнью и очарованием печали принцессе достается и душа ее мачехи.

С. Н. Бройтман пишет, что «особое место занимает тема преображения и творимого чуда», часто неканонически трактованная на фоне евангельских притч. В новелле «Претворившая воду в вино» чудо преображения должен совершить не Учитель (как в евангельском сюжете), а сама ге-

роиня. Учитель говорит ей: «Пей эту воду с невинною верою, и твое сердце, творящее чудеса, претворит ее в живое вино». И далее: «Юная дева выпила чашу воды до дна, и великою радостью осветилось ее лицо. Пьяная водою, как вином, крепким и сладким, она плакала от восторга и восклицала, хваля учителя и пророка». Произошло ли здесь чудо преображения? И в речи Учителя, и в слове повествователя вода названа водою, а вино – вином, то есть с внешней точки зрения чудо не происходит. Но оно происходит для девы, находящейся внутри ситуации. Именно между внутренней и внешней точками зрения не устанавливается в данном случае «единый план». Ни одна из них не подана как единственно истинная – и другие героини, и повествователь, сохраняя свою позицию, не отвергают и другую: «Распорядитель пира и старые, трезвые гости не понимали, чему радуется эта упившаяся простою водою девушка, и улыбались ее слезам и восклицаниям»; но, называя ее безумною, «и завидовали ей, – знали, что она видела великие тайны и дивные чудеса, что перед нею открывалось небо, что с нею говорил Бог».

Не сведены два плана и в «Мудрых девах» (1908), где явление Жениха, которого жаждут пять мудрых дев, осуществляется лишь для одной неразумной. В этих ориентированных на Евангелия притчах особенно очевидна неканоничность позиции писателя, который говорит чуду одновременно лирическое «нет» и ироническое «да». В других случаях – при сохранении принципиальной несведенности планов – акценты могут количественно смещаться либо к одному, либо к другому пределу. Так, в «Золотой лестнице», «Пути в Эммаус» (1909), «Алчущем и жаждущем» (1908), «Поцелуе нерожденного» (1911) определенно акцентировано «чудо», а в «Сне утешающем», «Иване Ивановиче» (1909), «Помнишь, не забудешь» (1911) – «действительность» [1].

Таким образом, можно выделить основные мотивы, характерные для фантастических новелл Ф. Сологуба: мотив обреченности человека при встрече с нечистой силой, когда происходит инверсия жизни и смерти, и мотив трансформации, метаморфоз, преображения. Мотив преображения разнообразен, он проявляется и в преображении реальности, появлении чуда; метаморфозы могут затрагивать как тела («Маленький человек»), так и души («Соединяющий души», «Очарование печали», «Дама в узах»). Чудо и преображение может совершать человек силой

мысли и верой («Снегурочка», «Березка»), но метаморфоза может исходить от нечистой силы («Собака», «Красногубая гостья»). Общим для всех новелл является преобладающее настроение неприятия мира, простого быта, дневной жизни и стремление к «очарованию печали». Это может быть преодолено, как в новелле «Золотая лестница», где сестры и подруги помогли героине преодолеть тоску после смерти матери, сотворив своего рода чудо. Но чаще всего уход от реальности для героя новелл приводил к его гибели. Это возвращает нас к мотиву «неприятия, отрицания мира в его настоящем, непретворенном аспекте», выделенному Чеботаревской. З. Г. Минц пишет, что у Сологуба «изображение бытовой реальности, сохраняясь и даже выступая на первый план как тема, резко переосмысливается с позиций «неприятия мира». Романтическая сатира, фантастика обнаруживают призрачность бытового мира, которому – в духе романтического двоемирия – противопоставляется «творимая легенда» идеального бытия» [5, с. 142].

Библиографический список

1. Бройтман, С. Н. О Федоре Сологубе [Текст] / С. Н. Бройтман // Электронная библиотека специальной филологической литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=165>. Дата обращения: 05.03.2012.
2. Виноградова, В. В. Декадансная трансформация новеллы в творчестве Ф. Сологуба и М. Арцыбашева [Текст] / В. В. Виноградова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 52. – С. 24–26.
3. Новелла [Текст] // Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3374/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B0. – Дата обращения: 05.03.2012.
4. Матюшкин, А. В. Иной мир в рассказе Ф. К. Сологуба «Свет и тени» [Текст] / А. В. Матюшкин // Карельская государственная педагогическая академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/svet_i_teni.htm. – Дата обращения: 05.03.2011.
5. Минц, З. Г. Блок и русский символизм. Избранные труды в 3 кн. [Текст] / З. Г. Минц. Кн. 3: Поэтика русского символизма. – СПб.: Искусство – СПб., 2004. – 480 с.
6. Сологуб, Ф. Книга стремлений. Неуголимое [Текст] / Ф. Сологуб. – СПб.: Навьи чары, 2002. – 592 с.

7. Чеботаревская, А. Творимое творчество [Текст] / А. Чеботаревская // Федор Сологуб – сайт о писателе: проза, стихи, статьи, биография, критика, письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.fsologub.ru/about/articles/articles_131.html. – Дата обращения: 27.02.2012.

Bibliograficheskiy spisok

1. Broymann, S. N. O Fedore Sologube [Tekst] / S. N. Broymann // Elektronnaya biblioteka spetsial'noy filologicheskoy literatury [Elektronnyy re-surs]. – Rezhim dostupa: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=165>. Data obrashcheniya: 05.03.2012.

2. Vinogradova, V. V. Dekadansnaya transformatsiya novelly v tvorchestve F. Sologuba i M. Artsybasheva [Tekst] / V. V. Vinogradova // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 52. – S. 24–26.

3. Novella [Tekst] // Literaturnaya entsiklopediya [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3374/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B0. – Data obrashcheniya: 05.03.2012.

4. Matyushkin, A. V. Inoy mir v rasskaze F. K. Sologuba «Svet i teni» [Tekst] / A. V. Matyushkin // Karel'skaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/svet_i_teni.htm. – Data obrashcheniya: 05.03.2011.

5. Mints, Z. G. Blok i russkiy simvolizm. Izbran-nyye trudy v 3 kn. [Tekst] / Z. G. Mints. Kn. 3: Poetika russkogo simvolizma. – SPb.: Iskusstvo – SPb., 2004. – 480 s.

6. Sologub, F. Kniga stremleniy. Neutolimoye [Tekst] / F. Sologub. – SPb.: Nav'i chary, 2002. – 592 s.

7. Chebotarevskaya, A. Tvorimoye tvorchestvo [Tekst] / A. Chebotarevskaya // Fedor Sologub – sayt o pisatele: proza, stikhi, stat'i, biografiya, kritika, pis'ma [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa http://www.fsologub.ru/about/articles/articles_131.html. – Data obrashcheniya: 27.02.2012.